

Е.А. Белов

**Московские смуты в конце 17
века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Е11

Е11 **Е.А. Белов**
Московские смуты в конце 17 века / Е.А. Белов – М.: Книга по Требованию,
2016. – 96 с.

ISBN 978-5-4241-6306-7

Рецензия на "Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках" в 3-
х тт. С.-Пб. 1884-1887.

ISBN 978-5-4241-6306-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лопей, защитникъ римскаго образованія, завелъ Спасское училище для молодыхъ людей приказа тайныхъ дѣлъ. Сильвестръ Медвѣдевъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, яснѣ всего выразилъ разницу того и другаго направленія и потребности критическаго отношенія къ прошлому, которая обнаруживалась въ лучшихъ умахъ того времени. Онъ сильно порицаетъ русскихъ грамотѣевъ за безусловную вѣру въ грековъ, отъ которыхъ они все принимали безъ повѣрки, яко младенцы. „Увы“, говоритъ Медвѣдевъ, — „нашему такому неразумію вся вселенная смѣется! Не точію та, но и сами тіи нововыѣзжіе греки смѣются и глаголютъ: Русь глупая, ничтоже свѣдущая. И неточію тако глаголютъ, но и свиніями насъ быти нарицають, вѣщающе сице: мы куда хоцемъ, тамо духовныхъ сихъ и обратимъ, видимъ бо ихъ ничто самихъ знающихъ и намъ яко безсловесны суще, во всемъ, въ немъ же хоцемъ, послѣдствуютъ“.

Оставивъ въ сторонѣ специальность богословскихъ споровъ¹⁾, вызвавшихъ горькія слова С. Медвѣдева, мы видимъ въ нихъ весьма важное проявленіе въ жизни русскаго народа, пробужденіе сознанія въ необходимости работы собственнаго ума, въ необходимости критики, дабы не уподобиться дѣтямъ, принимающимъ все на вѣру и не различающимъ важное отъ неважнаго, главное отъ побочнаго. С. Медвѣдевъ былъ выдающеюся личностію въ концѣ XVII вѣка; его тяготило младенчески-рабское состояніе умственной жизни русскаго человѣка; его тяготила та умственная подавленность наша, въ которой онъ винилъ грековъ; онъ сталъ искать выхода и находилъ его въ сближеніи съ западомъ; но онъ былъ чловѣкъ исключительно богословскаго образованія, и притомъ принесеннаго его учителемъ Симеономъ Полоцкимъ изъ Польши, изъ страны католической; поэтому мудрено ли, что и выходъ къ самостоятельному образованію онъ видѣлъ въ сближеніи съ Римскою церковью? Но до какой степени Сильвестръ Медвѣдевъ желалъ сближенія съ Римскою церковью, желалъ ли онъ изъ Рима заимствовать только науку, не находя въ ней ничего опаснаго для Греческой церкви, или мечталъ о соединеніи церквей—дѣло далеко не рѣшенное и для нашей задачи второсте-

¹⁾ Вопросъ шелъ о времени пресуществленія святыхъ даровъ, то-есть, о томъ; когда хлѣбъ и вино пресуществляются въ тѣло и кровь Христову, тогда ли, когда священникъ произноситъ слова: „и сотвори убо“, или тогда, когда священникъ произноситъ слова: „примите и ядите“. Последнее толкованіе заслужило въ послѣдствіи преслѣдованіе, какъ католическое мнѣніе, и названіе *амльбопоклонной ереси*. Изложеніе этого спора, конечно, не входитъ въ нашу задачу.

пенное. Этотъ послѣдній вопросъ имѣлъ интересъ только временный, преимущественно церковный; для общаго же хода русской исторіи весьма важно явившееся въ обществѣ сознаніе, представителемъ котораго былъ Медвѣдевъ, въ необходимости сближенія съ Западомъ, Католическія тенденціи Медвѣдева, если таковыя у него и были, или совсѣмъ прошли безслѣдно, или оставили ничтожные слѣды; но его указаніе на сближеніе съ Западомъ ради науки не могло пройти безслѣдно. Еще болѣе должна была оставить слѣдъ его критическая мысль, брошенная въ полусонное русское общество XVII в. Въ умственномъ развитіи народовъ всякая критика существующаго важна сама по себѣ, не смотря на ея исходный пунктъ; ея путь, хотя бы и неправильный, исправляется впоследствии.

Представителемъ греческаго образованія, въ эпоху разгара борьбы, былъ патріархъ Іоакимъ. Въ духовныхъ журналахъ за истекшее десятилѣтіе объ Іоакимѣ появилось два изслѣдованія—священниковъ Смирнова и Горскаго, которыми уяснены или вызваны нѣкоторые вопросы относительно занимающаго насъ времени. Не смотря на замѣтную въ ихъ взглядахъ односторонность, эти изслѣдователи сознаются, что время патріаршества Іоакима было временемъ поворота русскаго народа на новую дорогу, а государство Русское находилось въ весьма печальномъ состояніи, но причину того и другаго явленія они объясняютъ весьма недостаточно, и во многомъ съ ними согласиться нельзя. Отецъ Смирновъ говоритъ: „Русская мысль явилась теперь на пути къ эмансипированной дѣятельности, а между тѣмъ не обладала такою стойкостію и выработанностію (?), не имѣла принциповъ, чтобы могла твердо и спокойно идти по новопроложенной дорогѣ“. Какимъ же образомъ русская мысль могла имѣть стойкость и выработанность, не имѣя принциповъ? На пути же послѣ застоя она пріобрѣсти не могла ни стойкости, ни выработанности. Кто же однако виновать, что въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XVII вѣка русская мысль не имѣла принциповъ? Съ конца X вѣка Русская земля считалась христіанскою, и вдругъ, черезъ семь вѣковъ въ концѣ XVII вѣка, въ ней не оказывается принциповъ. Авторъ такими словами желаетъ защитить суровыя мѣры Іоакима противъ его противниковъ и между прочимъ обвиняетъ русское общество за то, что при заимствованіи иноземнаго бросились на то, что было доступно ихъ духовной слабости, на мелочи. Но кто же пріучилъ русскій умъ къ мелочамъ? Воспитаніе оны могъ получать тогда только въ сферѣ церковной, а не въ этой ли сферѣ воспиталась приверженность къ пред-

метамъ внѣшнимъ, безъ вниканія въ сущность дѣла, неумѣнье отличать существенное отъ маловажнаго? Въ XI вѣкѣ діаконь Кирикъ серьезно спрашиваетъ архіепископа Нифонта: можно ли въ страстную субботу стучать яйцемъ о зубы? Въ XVII вѣкѣ поднялась цѣлая буря между прочимъ изъ-за вопроса какъ писать имя Спасителя: Исусъ или Иисусъ? Время, въ которое Іоакимъ вступилъ на патріаршій престолъ, было тяжелымъ временемъ и для церкви, и для государства. О. Смирновъ говоритъ справедливо объ упадкѣ, въ концѣ XVII вѣка, церковнаго авторитета, особенно при тишайшемъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; но онъ несправедливо приписываетъ этотъ упадокъ исключительно бѣдности и зависимости низшаго духовенства, о которомъ онъ выражается такъ: „Поставленное въ неизбѣжность влачить свое жалкое существованіе, находясь нерѣдко въ рабской зависимости отъ вотчинниковъ, притѣсняемое приказными, оно подчасъ (?) забывало о высотѣ своего долга, въ исполненіи обязанностей видѣло только средства добывать насущный кусокъ хлѣба. Церковное безчестіе поэтому встрѣчалось тогда повсюду“. Авторъ не задаетъ себѣ даже вопроса: откуда же такое положеніе низшаго духовенства? Заботились ли архипастыри вывести приходское духовенство изъ такого положенія? Этого не видно, а видно другое, видѣнъ страшный деспотизмъ епископовъ; такъ Іосифъ, архіепископъ Коломенскій, наказывалъ провинившихся поповъ плетми, приказывая раздѣвать ихъ до нага и приговаривая: „бей гораздо—мертвые наши“. Особенно страшень былъ Іосифъ попамъ, когда онъ бывалъ прохладень, а прохладень онъ бывалъ нерѣдко... Кромѣ того, и положеніе высшей іерархіи было весьма шатко. Тотъ же о. Смирновъ о положеніи патріарха долженъ былъ сказать слѣдующее: „Іоакиму пришлось вступить на первосвятительскій московскій престолъ въ такой именно моментъ, когда этотъ престолъ поколебался послѣ вѣковой своей непоколебимости и уже не могъ служить лицу его занимающему достаточною опорой. Патріарху, для поддержанія его достоинства, недостаточно было автоматическаго только величія, мало было и ревниво-деспотическаго охраненія своихъ правъ; нѣтъ, его сила, его авторитетъ теперь находились въ прямой зависимости отъ его личныхъ качествъ, отъ его умѣнья стоять выше обстоятельствъ жизни, не дѣйствуя въ то же время на перекоръ ихъ историческому необходимому теченію“. Таково дѣйствительно было положеніе высшаго іерарха, и въ общемъ авторъ правъ; но въ частности его слова вызываютъ много возраженій, напримѣръ: о какой вѣковой непоколебимости патріаршаго престола говоритъ онъ? Еще столѣтія

не прошло отъ учрежденія патріаршества въ Россіи до смерти царя Алексѣя Михайловича, а въ это время первый патріархъ Іовъ былъ низверженъ, и его мѣсто незаконно занялъ Игнатій, тоже низверженный; Гермогенъ умеръ въ темницѣ съ голоду, Никонъ—въ монастырскомъ заточеніи. Авторъ сознаетъ, что въ ту пору для поддержанія патріаршаго величія недостаточно было автоматическаго величія, но развѣ его когда-либо было достаточно? Развѣ ревниво-деспотическое охраненіе своей власти спасло Никона и когда-либо и кому-либо приносило пользу? Патріархъ долженъ былъ на кого-нибудь опираться, но въ духовенствѣ, при его приниженности и кругломъ невѣжествѣ, опоры онъ найдти не могъ. Въ обществѣ? Но оно, какъ видитъ и самъ отецъ Смирновъ, не разсуждало и не знало, для чего живетъ и какъ живетъ; его жизнь всецѣло принадлежала опеку власти гражданской и церковной. А чья же вина въ приниженности духовенства и въ общемъ невѣжествѣ? До этого состоянія и духовенство, и общество именно и доведены были ревниво-деспотическими охраненіями разныхъ авторитетовъ, печальные слѣды которыхъ какъ разъ оказались въ ту пору, когда „дѣтски безпечальное состояніе миновало наконецъ для русскаго общества“. Не лучше ли только слова „дѣтски-безпечальное“ замѣнить такими словами: „пробываніе въ тупомъ невѣдѣніи всего, что касается до человѣка и гражданина“? Съ такими обстоятельствами трудно было бы сладить и не Іоакиму, которому нельзя отказать въ характерѣ, но который лишенъ былъ образованія и проникнуть духомъ узкой нетерпимости. Эта черта въ характерѣ Іоакима весьма много повредила сторонникамъ греческаго образованія. Въ завѣщаніи своемъ Іоакимъ требуетъ удаленія изъ службы лютеранъ и кальвинистовъ, ибо православные христіане, говоритъ онъ, — „наипаче за вѣру и за церковь Божию, нежели за отечество и дома, въ усердіи души свои полагаютъ на бранехъ въ полкахъ, никакоже щадяще жизни своея еретики же будучи начальниками о томъ не мало радятъ“. Изъ этихъ словъ видно, что патріархъ хотѣлъ остановить теченіе жизни, втиснувъ его въ предѣлы узкой церковности. При запросѣ, который выставила въ ту пору русская жизнь на науку, Іоакимъ далеко не соотвѣтствовалъ нуждамъ времени; онъ противился даже проекту славяно-греко-латинской академіи. Нѣкоторые писатели и это сопротивленіе оправдываютъ, говоря, что въ русскомъ обществѣ было крайнее предубѣжденіе противъ просвѣщенія. Отецъ Горскій („Патріархъ Іоакимъ въ борьбѣ съ расколомъ“) въ подтвержденіе приводитъ мнѣніе современника, англичанина Коллинса, который говоритъ, что русскіе не

имѣютъ никакого просвѣщенія и, видя въ наукахъ чудовище, боятся ихъ, какъ огня, оправдывая такимъ образомъ древнее изреченіе: *ars nullum habet inimicum, praeter ignorantem*. Оправданіе странное. Во-первыхъ, стремленіе впередъ, отъ тьмы къ свѣту, всегда обнаруживалось и обнаруживается въ меньшинствѣ, и лицо съ властью, становясь на сторону большинства, становится защитникомъ мрака. Патриархъ Іоакимъ очень боялся напора римскаго католицизма и искалъ спасенія тамъ, гдѣ именно была опасность, въ уклоненіи отъ науки, въ стѣсненіи мысли. Мы имѣемъ современное доказательство конца XVII вѣка, что изъ православія часто переходили въ католицизмъ не по убѣжденіямъ религиознымъ, а по желанію приобрести знанія; такъ было въ Западной Руси: шляхтичъ Роговскій, въ челобитной къ патриарху Адриану, преемнику Іоакима, говорить: „Учась въ Польшѣ и хотя достигнуть на философію и богословію, я присягалъ на унию въ римскую вѣру для того, что тамо нѣкого до тѣхъ высокихъ наукъ безъ присяги въ ихъ римскую вѣру учиться не допускають“. Кто можетъ вычислить, сколькихъ Роговскихъ толкнуло въ унию желаніе достигнуть на философію и богословію? Западная Русь искала опоры противъ католицизма въ просвѣщеніи, для приобретенія котораго и возникла Кіевская академія; но патриархъ Іоакимъ не благоволилъ и къ кіевскимъ ученымъ. Наука ему претила, астрономію онъ называлъ ересью. При крутомъ характерѣ, изъ-за котораго его ненавидѣли раскольники, Іоакимъ обладалъ умомъ робкимъ и только въ одномъ дѣлѣ показалъ большую для русскаго іерарха XVII в. смѣлость. Мы разумѣемъ дѣло Анны Кашинской. Анну Кашинскую, въ царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго, признали за супругу Михаила Ярославича, великаго князя Тверскаго, и объявили ея останки нетлѣнными, а ее святою. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича она была канонизована; но патриархъ Іоакимъ, въ то же царствованіе, впалъ въ сомнѣніе на счетъ этого лица; сдѣлано было изслѣдованіе, по которому оказалось, что у Михаила Ярославича супругу звали Софіей, что Анна Кашинская — не великая княгиня, и что останки ея не нетлѣнны, что она не святая. Такъ рѣшителенъ былъ патриархъ Іоакимъ, говоритъ отецъ Смирновъ, — въ примѣненіи къ церковной практикѣ критическаго принципа. Только жаль, добавимъ мы, — что принципъ этотъ былъ весьма малаго размѣра. Въ тѣхъ дѣлахъ, которыя Іоакимъ понималъ, онъ былъ твердъ и рѣшителенъ; такъ онъ остановилъ царя Феодора Алексѣевича утвердить проеѣтъ наслѣдственныхъ штатгалтерствъ, на что мы указали въ изслѣдованіи объ историческомъ значеніи русскаго боярства до

конца XVII вѣка (Жур. Мин. Нар. Пр. 1886 г., мартъ, стр. 71 и 73). Но напрасно ему ставятъ въ заслугу избраніе на царство Петра; это дѣйствительно заслуга, но она вытекала изъ личныхъ расчетовъ патріарха и еще болѣе изъ того соображенія, что на сторонѣ семейства Милославскихъ стояли выдающіеся люди, которые искали сближенія съ Римскою церковью. Иоакимъ же, избирая Петра, не могъ предвидѣть, что избираетъ государя, который впоследствии будетъ опираться въ дѣлахъ церкви на кievскихъ ученыхъ, который откроетъ широкую дверь для входа въ Россію лютерской и кальвинской науки, который заставитъ переводить на русскій языкъ астрономію, съ изложеніемъ Коперникова ученія, однимъ словомъ—сдѣлаетъ все то, чего боялся и чего не допускалъ Иоакимъ ¹⁾.

¹⁾ При патріархѣ Іоаннѣ совершилось присоединеніе Кіевской митрополи, завязавшей непосредственно отъ Константинопольскаго патріархата, къ патріархату Московскому. Отецъ Гавриловъ (*Странникъ* за 1873 г., июль), въ статьѣ объ отношеніяхъ патріарха Іоакима къ кievскимъ ученымъ, старается доказать, что высшее малороссійское духовенство выказывало противодѣйствіе этому присоединенію не изъ политическихъ причинъ, а изъ опасенія московскихъ порядковъ. Но развѣ это не политическое соображеніе? Соединеніе объявлено на соборѣ въ 1685 г. Замѣчательно, что на этомъ соборѣ московскіе интересы поддерживали Мазепа и Полуботокъ. Въ числѣ условій, на которыхъ изъявлено согласіе соединиться, было и такое: право свободнаго печатанія книгъ въ Печерской типографіи и право ученія свободнымъ наукамъ на греческомъ и на латинскомъ языкахъ. Дѣло присоединенія не встрѣтило рѣшительнаго противодѣйствія со стороны Константинопольскаго патріархата только потому, что въ патріархатѣ шла смута. Въ концѣ XVII в. одинъ патріархъ смѣнялся другимъ, нѣкоторые вступали на патріаршій престолъ по нѣскольку разъ. Патріархъ Афанасій первосвященствовалъ только 14 дней; Паренія IV низводили и возводили на престолъ пять разъ, Діонисій IV—четыре раза. Этотъ Діонисій IV въ послѣднее свое патріаршество, продолжавшееся всего два мѣсяца, и далъ свое согласіе на присоединеніе Кіевской митрополи къ Москвѣ. При иныхъ обстоятельствахъ были бы иныя рѣчи, о чемъ можно догадываться изъ письма Досіея, патріарха Іерусалимскаго: „Вамъ повдобилась“, писалъ онъ,—„чужая епархія, чѣмъ оправдаетесь передъ Богомъ и людьми? Вы думаете, что если Кіеву митрополитъ посвятится въ Москвѣ, то казаки будутъ стоять добръ, а если въ Кіевѣ, то не добръ? Но не болѣе ли будетъ зла, когда христіане (греческаго исповѣданія), подвластные Польшѣ, заберутъ другаго митрополита помимо вашего?“ Далѣе Досіей говоритъ еще рѣче и съ нескрытою ироніей: „Пожалуй, вы самый Іерусалимъ захотите обратить въ вашу епископію, чтобы мы вамъ ноги мыли?“ Послѣ этого письма даже самъ Діонисій, какъ бы оправаясь, упрекнулъ Москву за беззаконія. Все это показываетъ, что при другихъ обстоятельствахъ дѣло могло дойти и до отлученія Московскаго царства. Вся вина серьезнаго столкновенія легла бы всею тяжестью своею на патріарха Іоакима, у котораго всякое дѣло принимало крутой и жесткій характеръ.

Въ избраніи Петра находится точка соприкосновенія церковныхъ дѣлъ и умственного движенія съ политическими событіями конца XVII вѣка.

Причины, заставившія патріарха Іоакима такъ энергично и такъ послѣдно устроить дѣло избранія Петра, отчетливо выясняются въ донесеніи іезуитовъ Георгія Давида и Тобія Тихановскаго изъ Москвы, отъ 12-го октября 1689 года, написанномъ по начальству, in fide sacerdotali, по свидѣтельству священническому, замѣняющему вѣявту. (Приводимъ вполнѣ заглавіе донесенія и вниги, изъ которой оно взято, на которыя намъ еще не разъ придется сослаться: *Brevis relatio revolutionis in regno moscovitico et expeditionis repentinae patrum Societatis Jesu, P. Georgi David, et P. Tobiae Tichanovsky Missionariorum Augutissimi Romanorum imperatoris, Moscuæ, anno 1689, 12 Octobris, in fide sacerdotali conscripta A. P. David Kadzini, in limitibus Lithuaniae et Moscoviae.* Оно помѣщено въ „*Russische Studien zur Theologie und Geschichte, Herausgegeben von Dr. Moritz-Brühl. Erstes Heft: Das theologische Lehrsystem in der russischen Kirche von P. I. Gagarin S. J.*). Въ этомъ донесеніи, конечно, каждое слово было взвѣшено, дабы въ Римъ къ генералу ордена дошли, черезъ посредствующія орденскія власти, свѣдѣнія точныя, не преувеличенныя о положеніи дѣлъ въ странѣ, въ которую означенные іезуиты были посланы или какъ развѣдчики, или какъ миссіонеры, или какъ то и другое вмѣстѣ. Въ донесеніи говорится, что царь Θεодоръ Алексѣевичъ выказывалъ большое почтеніе къ римской религіи и особенно къ намъ, то-есть, іезуитамъ, такъ что вполнѣ въ состояніи постановилъ бы непременно воздвигнуть для насъ и коллегію, и школы и уже назначалъ мѣсто, которое нынѣ занимаютъ греки, профессора латинскаго и греческаго языковъ ¹⁾. Только ранняя смерть Θεодора, говорится далѣе въ донесеніи,—разрушила эти святыя предначертанія (*sanctas designationes*); но царевна Софья и князь Василій Васильевичъ Голицынъ были продолжателями этого дѣла, только въ тайнѣ (*sed admodum occulte*). Хотя отецъ Гагаринъ находитъ въ словахъ донесенія преувеличенія, но не можетъ однако показать, какъ далеко шли эти преувеличенія. Преувеличеніе тутъ есть;

¹⁾ *Horum imperatorum, (то-есть, царей Ивана и Петра) antecessor ac frater Theodorus magno fertur affectu inclinatus fuisse in romanam peculiariter nostram religionem, ita, ut designaverit nobis successu temporis et collegium et scholas erigere, jamque locum destinaverat, quem nunc occupant Graeci, latinae et graecae professores.*

но весьма приблизительная вѣрность этого свидѣтельства доказываетъ слѣдующимъ: Вопервыхъ, близостію сторонниковъ латинскаго образованія, Симеона Полоцкаго и его ученика С. Медвѣдева, ко двору при Алексѣѣ Михайловичѣ и особенно при Θεодорѣ Алексѣевичѣ, ученикѣ Симеона. И Полоцкій, и Медвѣдевъ, хотя и не были тайными католиками, всячески однако старались разрушить предубѣжденія противъ Римской церкви; защищая свое мнѣніе о пресуществленіи святыхъ даровъ Сильвестръ Медвѣдевъ выражается такъ: „Римляне многая церкви святѣй восточной держать согласное и издревле пріятное, а не новое. И того ради они за оно, яже со святою церковью издревле преданная держать согласно, не суть достойны гажденія, но восхваленія и яко о пресуществленіи, то Христово ученіе держать они неизмѣнно и то они творять добрѣ, а не злѣ“. Вовторыхъ, бурю, которую подняли противъ іезуитовъ разныхъ сектъ протестанты, находившіеся въ русской службѣ во время переворота 1689 г.; на эту бурю указываетъ та же реляція, по словамъ которой еретики, какъ она называетъ протестантовъ, выставляли московскому правительству іезуитовъ единственною причиною страшныхъ междоусобій въ Англии и Франціи, главными виновниками всѣхъ волненій на всемъ земномъ шарѣ и говорили, что іезуитовъ всѣхъ, со всего земного шара, слѣдуетъ собрать въ одинъ городъ, сжечь и такимъ образомъ очистить землю, какъ бы отъ заразы. (*Omnes iesuitas debere in unam urbem compingi et comburi, utque ex orbe toto veluti pestem eradicare*, то-есть, вырвать съ корнемъ). Изъ этихъ словъ между прочимъ видно, что пламя религиозной вражды между католиками и протестантами, затихавшее на западѣ, раздувалось въ Москвѣ, и раздувалось вслѣдствіе того, что и протестанты, и католики, видя Россію, по ногамъ и рукамъ связанную невѣжествомъ, оспаривали другъ у друга вліяніе надъ нею. Значеніе протестантовъ и въ то время было весьма значительно въ Москвѣ, что также высказывалось опасеніями Іоакима; сожженіе іисусоборцевъ Нордермана и Кульмана не должно на этотъ счетъ вводить въ заблужденіе изслѣдователей, потому что этихъ визионеровъ преслѣдовали сами лютеране, и о книгахъ, найденныхъ у нихъ, дали неблагопріятный отзывъ пасторы Менке и Вагеціусъ. Втретьихъ, страхомъ патріарха Іоакима, говорившаго: умри я, и вся Москва будетъ въ рукахъ іезуитовъ. Товарищъ Голицына по приказу иноземныхъ дѣлъ просилъ іезуитовъ указать, кто именно изъ протестантовъ поносить ихъ, дабы можно было наказать; свое изгнаніе они приписываютъ отсутствію В. В. Голицына, бывшаго тогда въ Крымскомъ походѣ, злѣбъ еретиковъ, то-есть, протестантовъ.

стантовъ, и ненависти къ нимъ Иоакима. Въ донесеніи есть любопытная замѣтка о казни Нордермана и Кульмана, которые называли себя іезуэлитами (исусоборцами). Такъ, говорятъ донесеніе, — въ одно и то же время, въ Москвѣ, стерто было съ лица земли имя іезуелитовъ и іезуитовъ, *iesuilitarum et iesuitarum nomen*. Это сопоставленіе ясно показываетъ, какую роль въ своемъ изгнаніи іезуиты приписывали протестантамъ, безъ помощи которыхъ едва ли бы Иоакиму удалось достигнуть цѣли. Конечно, этой помощи Иоакимъ не просилъ, а протестанты не предлагали, и единодушное дѣйствіе ихъ обусловливалось общею ихъ враждою къ іезуитамъ. Хотя переводчики изъ посольскаго приказа выставляли Иоакима единственнымъ виновникомъ изгнанія іезуитовъ, но это потому, что содѣйствія протестантовъ они оцѣнить не могли. Въ словахъ переводчиковъ особенно замѣчательна высказанная ими мысль, что Иоакимъ могъ взять верхъ только благодаря отсутствію кн. В. В. Голицына, чтò дало патриарху возможность перетянуть на свою сторону многихъ бояръ ¹⁾. Значить, прежде они не были враждебны пребыванію іезуитовъ въ Москвѣ.

Такихъ усилій стоила Иоакиму борьба съ іезуитами въ 1689 г., когда партія Софьи уже колебалась вслѣдствіе борьбы ея съ мачихой. Чтò же было бы, еслибы въ 1682 г. на престолъ сѣлъ прямо Іоаннъ Алексѣевичъ подслѣповатый, больной, слабоумный, при которомъ партія Милославскихъ не кого было бы опасаться? Посмотримъ же, какъ патриархъ Иоакимъ провелъ дѣло объ избраніи Петра.

Событія перваго дня по смерти царя Θεодора Алексѣевича, то есть, 27-го апрѣля 1682 г., съ 13-го часу дня, показываютъ, что патриархъ Иоакимъ не дремалъ. Едва Θεодоръ Алексѣевичъ закрылъ глаза и кончился обрядъ прощанія съ покойникомъ, послѣ котораго присутствовавшіе одинаково цѣловали руки у обоихъ царевичей, у Іоанна и Петра, патриархъ вышелъ въ переднюю и спросилъ: „Кто же изъ двухъ царевичей будетъ царемъ?“ На этотъ вопросъ послѣдовалъ разумный и правдивый отвѣтъ: такой-де вопросъ долженъ быть рѣшенъ людьми всѣхъ чиновъ Московскаго государства. Иначе и быть не могло, если не хотѣли повторить времена Василія Ивановича

¹⁾ Comparauerunt ibidem (въ домъ польскаго посла) duo praecipue interpretes qui identidem culpam in patriarcham reiiciebant, tanquam unicam causam nostri discessus, cui nemo absente Galitzinio audeat se opponere et qui potentissime apud omnes bojarinos egit, ut *in suam partem eos pertraheret*. Potentissime apud omnes bojarinos egit—значить, дѣло было нелегкое, требовавшее многихъ усилій.

Шуйскаго съ нѣкоторыми варіаціями. Что же сдѣлалъ далѣе Іоакимъ? Патріархъ вышелъ на крыльцо, велѣлъ всякихъ чиновъ людямъ собраться на площади передъ церковью Спаса и спросилъ: кому изъ двоихъ царевичей быть на престолѣ? Раздались крики: Петру Алексѣвичу! Но въ то же время раздались и другіе крики: Іоанну Алексѣвичу! Послѣдній голосъ принадлежитъ дворянину Сумбулову и его единомышленникамъ. Сторона Петра перекричала на площади; но въ то же время получено было ею серьезное извѣстіе: креста Петру не дѣловали стрѣльцы Александра приказа Карандѣва. Тогда къ стрѣльцамъ приказа Карандѣва послали окольного князя Щербатова, да думнаго дьяка Емельяна Украинцева, уговаривать означенныхъ стрѣльцовъ присягнуть Петру Алексѣвичу. Стрѣльцы присягнули. Казалось все обошлось благополучно; но только казалось. Соловьевъ (И. Р., т. XIII, стр. 322; изд. 1870 г.), разсказывая объ этихъ событіяхъ, дѣлаетъ замѣчаніе о томъ, что подразумевалось подъ словами Московское государство? „Подъ Московскимъ государствомъ, въ тѣсномъ смыслѣ“, говоритъ историкъ, — „разумѣли обыкновенно одинъ царствующій градъ: такъ, по крайней мѣрѣ, было понято тутъ“. Но вопросъ именно въ томъ и состоитъ, почему въ такомъ, первостепенной важности вопросѣ, какъ избраніе царя, слова „Московское государство“ приняты были въ тѣсномъ смыслѣ? Вопросъ былъ тѣмъ серьезнѣе, тѣмъ важнѣе, что рѣшеніе его было не всѣмъ просто. Іоаннъ былъ и слабъ физически, и скорбенъ головою, какъ говорили современники, но за него стоялъ обычай первородства сильнѣе всякаго писаннаго закона, и въ виду этого чрезвычайно важнаго обстоятельства самая очевидность возможности смуты требовала бы понять слова „Московское государство“ въ обширномъ смыслѣ, то-есть, созвать земскій соборъ въ полномъ его составѣ и отдать на рѣшеніе его столь важный вопросъ. Болѣзненность Іоанна и его неспособность были столь очевидными фактами, что избраніе Петра земскимъ соборомъ было бы дѣломъ несомнѣннымъ, особенно подъ вліяніемъ патріарха. Но главная бѣда заключалась въ характерѣ Іоакима, который не любилъ совѣщаній, особенно съ большими собраніями, напротивъ все любилъ рѣшать единоличною волею своею; восторгахъ, въ его опасеніяхъ на счетъ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствій со стороны Милославскихъ, особенно же со стороны его церковныхъ противниковъ. Противная сторона была сильна; но едва ли бы она рѣшилась на какой-нибудь насильственный переворотъ въ виду земскаго собора, съ которымъ одновременно могло быть при-